

Игорь Куберский

ЛОЛА

Игорь Куберский

Ингрид

«Институт соитологии (ИС)»

Куберский И. Ю.

Ингрид / И. Ю. Куберский — «Институт соитологии (ИС)»,

Рассказ «Лола», давший название этой книге, как и два других(один из них «Ингрид»), названных женскими именами, представляет собой довольно редкий для современной русской прозы жанр эротического приключения, когда следить за экстремальными, на грани жизни и смерти, ситуациями, в которые попадает главный герой, ничуть не менее интересно, чем за его любовными похождениями.

© Куберский И. Ю.

© Институт соитологии (ИС)

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Игорь Куберский

ИНГРИД

Рассказ

Я летел из Санкт-Петербурга в Нью-Йорк. Путь неблизкий, и после завтрака я задремал в своем кресле. Кресла в самолете не очень удобные – особенно для головы. Перекладываешь ее туда-сюда, и все равно шея затекает.

Мне приснилось, что я плаваю в море среди каких-то чемоданов и выуживаю что-то длинное, бело-шелковое, с воланами, имеющее назначение быть свадебным платьем. Я протягиваю его юной женщине, которая появляется рядом со мной. Она надевает это платье, совершенно сухое, шелестящее, переливающееся под светом яркого южного солнца, ложится на дно лодки и приглашает меня лечь рядом.

– Тебе надо отдохнуть. Набраться сил, – говорит она, и во сне этого кажется вполне достаточно, чтобы я, лежа на боку, прижался чреслами к ее атласно-упругой попке.

Поначалу я ухитряюсь, втягивая живот, скрывать свое несообразное ни с моментом, ни с местом действия возбуждение, но мой орган заявляет о себе все громче и громче. Я делаю попытку встать, чтобы не навязывать юной женщине свои проблемы. Она молчит, не поворачиваясь ко мне, и вдруг по ее неподвижности, по напряжению ее плеч я чувствую ожидание женщины, которая готова на все, однако без проявления хотя бы малейшей инициативы. Она из тех, кого надо брать решительно, но искусно – малейшая оплошность, и вместо ослепительной страсти ты получишь мешок с послушными костями. Такие женщины взлетают высоко и горят ярко, но коротко, как фейерверк. А потом любят порыдать. Впрочем, иногда я сам прошу их об этом.

Я смущенно хмыкаю и прижимаюсь лбом к ее спине между лопаток. Боже мой, как все это просто, понятно, и как каждый раз невероятно сложно. Словно заново рождаешься на свет. И страшно. Она принимает мой маневр – но ничего не изменяется в ней, в ее позе, она не отвергает меня, но и не идет навстречу, а словно следит за мной, как за слаломистом, несущимся с огромной горы. Разница лишь в том, что внизу нет ворот с надписью «финиш», и каким образом это кончится, пока не знает никто. Ее обтянутые шелковым платьем ягодицы невероятно возбуждают меня. Не отвергающая и не поощряющая неподвижность юной женщины напоминает мне мои собственные полудетские, полуподростковые сексуальные лабиринты, когда я, скажем, мечтал иметь маленькую послушную женщину размером с карманную куклу. Секс как состояние души, а не как отправления плоти. Но как же теперь важна была плоть – слияние, взаимный поступательный ритм, погружение в неведомые глубины. Я начинаю медленно водить средним пальцем левой руки вдоль ложбинки спины, словно нащупывая дальний путь. Нежная клавиатура позвонков, взлет на пригорок крестцовой кости и с нее плавное приземление в лунку под копчиком, откуда исходит двойная, видимо, подернутая пушком упругая мягкость. Я долго не решаюсь пуститься дальше, оглаживая восхитительные выпуклости, разделенные горячим промежутком, тесным пальцу. То, что я двигаюсь поверх платья и, естественно, не могу далеко зайти, служит как бы репетицией и одновременно камуфляжем намерений, готовых пока притвориться чистой лаской. Но тут я улавливаю первое движение юной женщины – ее задок чуть, на миллиметры, подается ко мне, невольно и робко проверяя мою вооруженность. Даже если это лишь женское любопытство – его вполне можно принять за ответ, поэтому я опускаю вдоль ее тела левую руку, пробую пальцами подробности впадинки на сгибе ее левой ноги, легкую лепнину колена и тихо плыву по внутренней стороне бедра вверх, чувствуя, как с каждым сантиметром поднимается его температура. Вблизи паха влаж-

ным жаром обдаёт тыльную, чувствительную кожу пальцев, но я целомудренно проношу их мимо, выходя на высокий холм тазовой кости. Это и есть точка, отделяющая то, что было, от того, что будет, – момент истины. Остается только, зажмурив глаза, ринуться вниз. Но я и тут стараюсь приструнить себя, вознамерившись превратить эту стыдливую тихоню в беснующуюся от страсти вакханку. Поэтому я скольжу к мягкой впалости ее живота, задерживаюсь возле пупка и перехожу на лобок, подстриженный и ухоженный – видно, специально перед дальней поездкой. Лобок ее приветливо выпукл, и мне хочется тут же прижаться к нему лбом. Пальцы мои вопросительно замирают, позволив себе лишь распрямлять слабые пружинки волосков, как если бы я решил выстроить их по ранжиру в затылок друг другу. И, словно испугавшись, что на подобное намерение уйдет слишком много времени, юная женщина вдруг хватается мою руку и сама нетерпеливо кладет ее себе между ног. Мой безымянный палец невзначай попадает в область горячий влаги, но я не даю ему там освоиться, вовсе убираю руку, приподнимаюсь над юной женщиной и трогаю ее за колени. Ее глаза полуприкрыты, опущены вниз, когда она, помогая себе локтями и пятками, переворачивается на спину и, чуть разведя колени, предоставляет дальнейшее мне...

Это была ее ошибка, и, собственно говоря, на этом можно было бы и поставить точку, потому что психология кончилась, истина обозначилась слишком явно – и остальное было лишь вопросом техники. Но в том-то и дело, что я всегда старался искать там, где, по общему мнению, ничего не было. Загвоздки на ровном месте – это мое хобби. Правда, в моей жизни были две-три встречи, когда женщины задавали мне в постели такие головоломки, что у меня, как говорится, крыша ехала, не говоря обо всем остальном – но то были прирожденные психопатки, садомазохистки и гетеры. Сексуальная же психология нормального человека проста, как табуретка. Ну а я не то чтобы развлекался из сластолюбия – нет, скорее из свойственной мне исследовательской жилки. Как-никак я занимаюсь бизнесом, а там без знания человеческой психологии делать нечего.

...И все-таки было приятно откидывать на стройные колени моей девы длинный шелковистый подол свадебного платья, под которым рдела желанная цель. Я взял лукавую скромницу за легкие щиколотки и раскрыл, как книгу, положив ее ноги на борта лодки. Что же там такое написано, чего я еще не знаю? Мне было тридцать три, возраст Христа, но я давно уже кружил на месте, вступив в область повторений. В школьные годы это называлось закреплением пройденного материала. Какое, однако, скучное занятие, господа... Покорность юной женщины, легкость, с которой мне досталась победа, убили во мне пафос первооткрывателя, и я в позе вины, досады и разочарования покаянно прижался лбом к островку лобка, украшенному круглым газончиком блеклых волосков, на свету выглядевших, признаюсь, довольно жалко. Мои пальцы уже без трепета обежали по краешку предмет вожделения и погрузились в него, как в спелую хурму, нагретую самаркандским солнцем. Ощущение было знакомо-приятным и давало надежды, что мой освобожденный от преград понуро опущенный орган как-то откликнется. Но, увы и ах, – обычно загоравшийся даже от дымка воображения, теперь он требовал по меньшей мере волшебной палочки феи, а скорее – ее скользящего поцелуя.

И тут я почувствовал руку послушной девы на своей голове. Она как школьнику почесала мне затылок – дескать, не горюй, с кем не бывает. Была такая картина в моем учебнике – «Опять двойка». Похоже, моя тихоня даже обрадовалась перемене ролей и тут же без прежней робости отыскала другой рукой мой мешочек. Она слегка приподняла его на раскрытой ладони, оценивая, сколько в нем унций разных удовольствий, и легонько сжала, поощрив их все вместе и каждое в отдельности. И тут же без переходов мой орган изогнулся, как лук, и зазвенел, как туго натянутая струна. Я поднес его как кубок победителя к лицу девы, и она, приподнявшись на локтях, пригубила мое вожделение. Ее губы и язык были умело проворны и нежны, но орган мой был слишком перенапряжен и перенакачан, чтобы отзываться на тонкие ласки. Поэтому, вынув его вместе со жгутиком прозрачной слюны, жадно рванувшейся следом,

я перенес направление атаки и, не вглядываясь, не целясь, наугад попал в то, что для пальцев было спелой сладкой хурмой, а теперь походило на узкую норку, скользко-упругую, как рыбка. Стенки этой норки сразу впились в меня с жадностью актинии, миллионы невидимых волосков-присосок ласкали меня в ритме прибрежных водорослей – туда-сюда, – и издалека до меня донесся тихий благодарный, молящий и заклинающий стон.

От этой неземной, горней музыки уши у меня встали топориком, в голове что-то поплыло, чресла мои задымились и вспыхнули, и я почувствовал в себе мощь созидателя, творца, способного на невероятные, нечеловеческие по размаху деяния. В миг я понял, что никогда прежде не знал женщин и того, чем они могут одарять, и что весь мой жалкий опыт, все мои пятьсот пятьдесят пять или семьсот семьдесят семь предыдущих возлюбленных (за цифрой я никогда не гнался), все они ничто рядом с этой хрупкой, едва ли заметной в толпе блондиночкой с пристальными серыми глазами, узкими косточками и сивым, почти вульгарно выстриженным лобком. Если бы в этот миг рядом оказалась плаха и мне бы сказали – вынь и иди куда подальше, не то поплатишься головой, я бы лучше отдал голову, чем свой гибкий мощный меч, входивший в нежные ножны по самый эфес моих бедер с непередаваемым звуком, лишь отдаленно напоминавшим испуганный чмок вскрываемой устрицы.

Если проплывающие в те часы по Атлантическому океану или пролетающие над ним слышали крики раненой чайки, пусть знают – это кричала Ингрид. Да, так ее звали. Она была и осталась женщиной моей мечты. Помню красный закат, огромное опускающееся за горизонт солнце – обнаженное тело Ингрид было освещено им и реяло надо мной, как вечерний флаг. В неиссякаемой жажде я вновь и вновь припадал к ней – и она вновь и вновь давала мне животворящий напиток и пила вместе со мной. Одно из последних воспоминаний о ней – мое лицо между ее ног, откуда я слизываю сок наших несчетных оргазмов, ее запах, перемешавшийся с моим, ее трепет, переходящий в мой вздрог. Последние ее слова – голос ее прозвучал где-то надо мной, устало-счастливый, смеющийся: «Держи меня крепче» – и по напряжению ее дивных бедер я понял, что она откинулась назад, повиснув над водой и купая в ней пряди волос. Потом она дернулась раз и два, как в судороге очередного оргазма, и ноги ее сразу обмякли. Я подумал, что она потеряла сознание – так бывает, – и быстро приподнялся, чтобы уложить ее. Но Ингрид не было. Она кончалась где-то возле талии. Дальше вместо Ингрид были клочья разорванной плоти и торчащий из этого кровавого месива короткий белый штырь позвоночника.

Вот такой сон. Хотите верьте – хотите нет. Проснулся я от криков. Все, кто был в салоне, прильнули к окнам с левой стороны. Я тоже глянул и похолодел от ужаса: один из двух двигателей, подвешенных на левом крыле, был объят пламенем. Самолет резко встряхивало, и казалось, что двигатели вот-вот оторвутся. В динамиках салона раздался голос командира корабля. Он велел нам пристегнуться и соблюдать спокойствие – самолет идет на вынужденную посадку. «Интересно: куда?» – подумал я, ведь мы уже два часа как летели над океаном. Я попытался вспомнить: есть ли на трассе нашего полета какие-нибудь острова, но не вспомнил. А если даже и есть, то наверняка без бетонных взлетно-посадочных полос, которые могли бы принять наш огромный аэробус. Вот и все, подумал я. Люди умирают по-разному – одни от пули, другие от болезни, третьи от старости. Я надеялся оказаться среди третьих и умереть во сне. Тогда бы я так никогда и не узнал, что умер. Я же умру – как четвертые – в катастрофе, и не какой-нибудь мгновенной дорожной, а – медленной и страшной, падая с высоты десять тысяч метров.

Тем временем стюардессы пробежали обратно. На них были красные спасательные жилеты. Значит, мы будем садиться на воду. Только два часа назад нам демонстрировали, как застегивать и надувать их. Никто не смотрел и не слушал. Хорошо, что лето, подумал я, вода должна быть теплой. Если бы только удалось приводниться. Слева от меня, закрыв глаза и откинув голову, сидела молодая женщина, скорее даже девушка, блондинка, в строгом деловом костюме. Она судорожно стискивала ручки кресла.

– Наденьте жилет! – сказал я.

Она открыла глаза, и я понял, что она меня не слышит. Я выдернул из-под ее кресла жилет, но она покачала головой:

– Все равно это конец.

– А если нет? – сказал я, хотя думал так же, как и она. Если мы даже и приводнимся благополучно, то только отдалим смерть на какое-то время. Чтобы нам спастись, следовало совпасть десятку разных «если». Так в жизни не бывает.

И все-таки девушка успела надеть жилет и надуть его. А я, не знаю зачем, успел спросить, как ее зовут. Ответа ее я не услышал. А может, его и не было.

Последовал страшный толчок, все загрохотало, и на меня обрушился водопад. Я не думал, что это произойдет так скоро. Салон тут же наполнился водой, меня прижало лицом к окошку, как к иллюминатору подводного аппарата, – за ним ничего не было, только стремительно проносились пузыри. Тонем, подумал я, и это было так странно, потому что еще секунду назад мы падали. Вода была светлой – значит, до поверхности еще близко. В это последнее мгновение, отделяющее жизнь от смерти, я вдруг увидел над собой большую рваную дыру, откуда, быстро убывая, струился свет дня, и, расстегнув ремень безопасности, тащивший меня во тьму небытия, я из последних сил оттолкнулся ногами от кресла.

Видимо, в этот момент я и потерял сознание, потому что не помню, как оказался на поверхности. Меня выбросил наверх надутый жилет. Будь я мертв, он поступил бы точно так же. Наверху не было никого, только поодаль горела вода, то есть, авиационное горючее, и плавали какие-то тряпки да пустая банка из-под «пепси-колы», вскоре затонувшая. Пока она плавала, я еще сохранял присутствие духа, а потом я закричал. Потому что не хотел умирать. Потому что мне было страшно. Потому что подо мной все дальше и дальше во тьму опускался дюралюминиевый гроб, заточивший в себе почти триста пассажиров, и экипаж со стюардессами, и молодую женщину, имя которой я так и не узнал. Я кричал, пока не осознал, что это глупо. Потому что кричат, рассчитывая быть услышанными. Меня же могли услышать только рыбы да птицы. Хотя я не видел ни тех, ни других. Правда, еще можно кричать от боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.